

БРАТЯ ГРИММ

ТЕКСТ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

РАПУНЦЕЛЬ

СКАЗКИ

ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ

Правильное чтение

Якоб и Вильгельм Гримм

Рапунцель. Сказки

«ЭКСМО»

1812, 1819

УДК 821.112.2-34-93
ББК 84(4Гем)-44

Гримм Я.

Рапунцель. Сказки / Я. Гримм — «Эксмо», 1812,
1819 — (Правильное чтение)

ISBN 978-5-04-097687-4

В сборник вошли наиболее известные сказки братьев Гримм в классическом переводе П. Н. Полевого: «Рапунцель», «Гензель и Гретель», «Храбрый портняжка», «Бременские музыканты», «Шиповничек», «Король Дроздовик», «Золотой гусь».

УДК 821.112.2-34-93
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-097687-4

© Гримм Я., 1812, 1819
© Эксмо, 1812, 1819

Содержание

Рапунцель	7
Гензель и Гретель	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Братья Гримм Рапунцель. Сказки

Художник *Игорь Егун*

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Рапунцель

Где-то далеко, в тридесятом царстве, жили-были муж с женою, которые уж много лет сряду тщетно желали иметь детей; наконец жена получила возможность надеяться, что милосердный Бог исполнит её желание. В задней стороне их дома было небольшое оконце, из которого виден был превосходный сад, переполненный самыми лучшими цветами и растениями. Но он был обнесён высокой стеной, и никто не смел в него входить, потому что он принадлежал волшебнице, которая пользовалась обширной властью, и все её боялись. Однажды жена стояла у этого оконца и глядела в сад и увидела грядку, которая была сплошь засажена чудными садовыми колокольчиками, и все они на вид были такие свежие и красивые, что она почувствовала непреодолимое желание поесть этих колокольчиков. Желание её с каждым днем возрастало, и так как она знала, что ей нельзя было добыть их, то она совсем упала духом, побледнела и опустилась. Тогда муж перепугался и спросил: «Да что с тобой, милая жёнушка?» – «Ах! – отвечала она. – Если мне нельзя будет поесть тех садовых колокольчиков, что растут у нас в саду позади дома, то я не выживу». Муж, который очень её любил, сказал себе: «Ну, прежде чем жена умрёт, ты ей добудешь тех садовых колокольчиков, чего бы они тебе ни стоили». В сумерки перелез он через стену в сад волшебницы, впопыхах нарвал полную пригоршню садовых колокольчиков и принёс своей жене. Та тотчас сделала себе из них салат и поела его с большим наслаждением. Но это кушанье ей так понравилось, что на другой день ей ещё втрое более захотелось его поесть. Ради её успокоения пришлось мужу опять лезть в сад. И он в сумерки опять спустился туда, но лишь только перебрался через стену, как очень перепугался, потому что очутился лицом к лицу с волшебницей. «Как дерзаешь ты, – сказала она, гневно на него глянув, – перелезать в мой сад и таскать у меня мои садовые колокольчики? Это тебе не пройдёт даром!» – «Ах! – сказал он. – Смените гнев на милость, ей-ей, из нужды на это решился: жена моя увидала ваши колокольчики из окошка и таким загорелась желанием, что, кажется, тут бы ей и смерть пришла, кабы не дать ей тех колокольчиков покушать». Тогда волшебница поунылась в гнев и сказала ему: «Коли это так, как ты говоришь, то я тебе позволю взять сколько хочешь колокольчиков, но только с одним условием: ты должен мне отдать того ребёнка, который у твоей жены родится. Ему будет у меня хорошо, и я буду о нём заботиться, как родная мать». С перепугу он на всё согласился, и, когда его жене Бог дал дочь, тотчас явилась волшебница, назвала ребёнка Рапунцель¹ и унесла к себе.

¹ Рапунцель (*бот.*) – сорт съедобных садовых колокольчиков.

Рапунцель была прелестнейшая девочка. Когда ей минуло двенадцать лет, волшебница заключила её в башню среди леса, и в той башне не было ни двери, ни лестницы, только на самом верху маленькое окошечко. Когда волшебница хотела попасть в башню, то подходила к ней и кричала снизу:

Колокольчик садовій,
Спусти косыньку за мной!

А волосы у Рапунцель были чудные, тонкие, как золотая пряжа. Заслышав голос волшебницы, она распускала свои косы, обвивала их вверху около оконного затвора, и тогда её волосы золотистой волной падали на двадцать локтей² ниже окна, и волшебница по ним взбиралась наверх.

Года два спустя случилось однажды, что тем лесом проезжал королевич и путь его лежал мимо той башни. И услышал он в той башне пение, которое было так приятно, что он приостановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель – в своём уединении она старалась скоротать время, потешаясь своим милым голоском. Королевич хотел было взобраться на ту башню и стал искать в неё вход, но дверей никаких не оказалось. Он поехал домой; однако же это пение так тронуло его сердце, что он каждый день ходил в лес и всё прислушивался. Однажды стоял он там, около башни, укрывшись за деревом, и увидел, что приблизилась к ней волшебница, и услышал, как она снизу вверх крикнула:

Колокольчик садовый,
Спусти косынку за мной!

Тогда Рапунцель опустила вниз свои заплетённые косы, и волшебница поднялась по ним на верх башни. «Коли на верх башни по этой лестнице ходят, – подумал королевич, – так я тоже когда-нибудь попытаю счастья». И на другой же день с наступлением темноты он подошёл к башне и крикнул:

² Локоть – старая мера длины, различная в разных странах (от 60 до 70 см).

Колокольчик садовой,
Спусти косынку за мной!

Тотчас спустились косы сверху, и королевич взобрался по ним на башню.

Сначала Рапунцель очень испугалась, когда к ней вошёл мужчина, а она ни одного и в глаза не видывала! Но королевич заговорил с нею очень ласково и рассказал ей, как его сердце было тронуте её пением и как он с тех пор не мог успокоиться, пока её не увидел. Тогда у Рапунцель и страх прошёл, и когда он её спросил, желает ли она его взять себе в мужа, а она видела, что он и молод, и прекрасен, то подумала: «Ему я буду милее, чем старой Гошэль (так звали волшебницу)». И отвечала ему согласием, и подала ему руку. Она сказала: «Я охотно пойду с тобою, только не знаю, как бы мне сойти вниз? Когда ты будешь ко мне приходить, то приноси каждый раз с собою моток шёлку; я из него стану плести лестницу, и, когда она будет готова, я по ней сойду, и ты меня возьмёшь с собою». Они условились при этом, что он будет бывать у неё каждый вечер, потому что по утрам приходила в башню старуха. Волшебница, со своей стороны, ничего было не заметила, пока однажды Рапунцель не спросила её: «Скажите, пожалуйста, госпожа Гошэль, отчего это мне гораздо труднее бывает вас поднимать сюда, на башню, нежели молодого королевича? Тот – в один миг уж и здесь!» – «Ах ты безбожница! – воскликнула волшебница. – Что я от тебя слышу? Я думала, что тебя от всего света удалила, а ты всё же обманула меня!» В гневе своём ухватила она чудные волосы Рапунцель, обмотала их два раза около левой руки, а в правую взяла ножницы, и – раз, её волосы были обрезаны, и чудные косы пали к ногам волшебницы. Не удовольствовавшись этим, волшебница была настолько безжалостна, что унесла бедняжку в дикую пустыню, где она должна была жить в великом горе и лишениях.

В тот же день, расправившись с Рапунцель, волшебница под вечер закрепила косы наверху к оконному затвору, и когда королевич приехал и крикнул:

Колокольчик садовой,
Спусти косынку за мной! —

она спустила косы вниз, королевич взобрался по ним наверх, но встретил там не свою милую, а волшебницу, которая бросила на него злобный, ядовитый взгляд. «Ага! – воскликнула она насмешливо. – Ты приехал за своей милой, но только эта красивая птичка уже не сидит в своем гнёздышке и не поёт более – кошка её утащила, да ещё и тебе-то глаза выпарапает! Да, нет тебе более Рапунцель – ты её уж никогда более не увидишь». Королевича забрало такое горе, что он в отчаянии бросился с башни: не убился до смерти, но терновник, в который он упал, выколол ему глаза.

Так бродил он по лесу, питался одними кореньями и ягодами и горько оплакивал утрату своей милой. И много лет он скитался в величайшей нищете и наконец попал в пустыню, где бедствовала его милая, вместе с сыновьями-близнецами, которые у неё родились. Тогда он вдруг услышал голос, показавшийся ему знакомым; он пошёл прямо на этот голос, и, когда приблизился, Рапунцель узнала его и со слезами бросилась ему на шею. Две её слезинки попали ему на глаза, и глаза снова прозрели. И он мог видеть, как прежде. Тогда повёл он её с собою в своё царство, где все приняли их с радостью, и они долго жили счастливые и довольные.

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девочку – Гретель. У бедняка было в семье и скудно, и голодно; а с той поры как наступила большая дороговизна, у него и хлеба иногда не бывало. И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: «Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей кормить, когда и самим-то есть нечего!» – «А знаешь что, муженёк! – отвечала жена. – Завтра ранёшенько выведем детей в самую чащу леса; там разведём им огонёк и каждому дадим ещё по кусочку хлеба в запас, а затем уйдём на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся». – «Нет, жёнушка, – сказал муж, – этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставить – ещё, пожалуй, придут дикие звери да их растерзают». – «Ох ты, дурак, дурак! – отвечала она. – Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты только знай строгайдоски для гробов!» И до тех пор его пилила, что он наконец согласился. «А всё же жалко мне бедных деток», – говорил он, даже и согласившись с женой. А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали всё, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: «Пропали наши головы!» – «Полно, Гретель, – сказал Гензель, – не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде!» И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел своё платьишко, отворил дверку да и выскользнул из дому. Месяц светил ярко, и белые голыши,³ которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло. Потом вернулся домой и сказал сестре: «Успокойся и усни с Богом! Он нас не оставит». И улёгся в свою постельку.

³ Голыш – небольшой гладкий камешек округлой формы.

Чуть только стало светать, ещё и солнце не всходило – пришла к детям мачеха и стала их будить: «Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдём в лес за дровами».

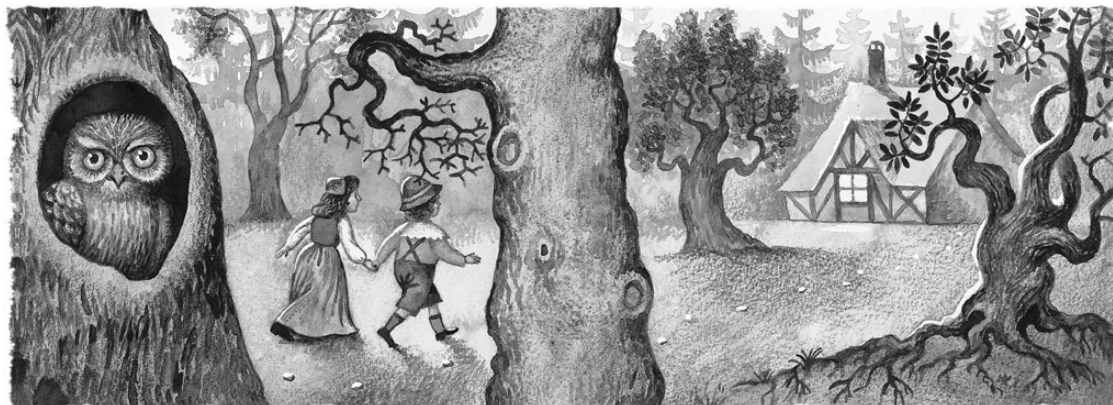
Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: «Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите». Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнёхонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом ещё и ещё раз. Отец спросил его: «Гензель, что ты там зеваешь и отстаёшь? Изволь-ка прибавить шагу». – «Ах, батюшка, – сказал Гензель, – я всё посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается». Мачеха сказала: «Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце!» А Гензель и не думал смотреть на кошечку – он всё только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал: «Ну, собирайте, детки, валежник: я разведу вам огонёк, чтобы вы не озябли!» Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его горой. Костер запалили, и, когда огонь разгорелся, мачеха сказала: «Вот, прилягте к огоньку, детки,

и отдохните; а мы пойдём в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то мы вернёмся к вам и вас возьмём с собою».

Гензель и Гретель сидели у огня, и, когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко. А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударяло о дерево. Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули. Когда же они проснулись, кругом была тёмная ночь. Гретель стала было плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но Гензель её утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдёт, тогда уж мы найдём дорогу».

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошёл, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как заново отчеканенные монетки, и указывали им путь. Они шли всю ночь напролёт и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха им отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: «Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернётесь». А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети слышали, как мачеха однажды ночью ещё раз стала говорить отцу: «Мы опять всё съели, в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спровадить; мы их ещё дальше в лес заведём, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придётся». Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы я и последние крохи разделил со своими детками!» Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упрёки. «Назвался груздем, так и полезай в кузов!» – говорит пословица; так и он уступил жене первый раз, должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать камешков, но мачеха заперла дверь на замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он всё же утешал сестричку и говорил ей: «Не плачь, Гретель, и спи спокойно, Бог нам поможет».

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба, ещё меньше того, который был им выдан прошлый раз. По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в карман, часто приостанавливался и бросал по крошке на землю. «Гензель, что ты всё останавливаешься и оглядываешься? – спросил его отец. – Ступай своей дорогой». – «Я оглядываюсь на моего голубка, который сидит на крыше и прощается со мною», – отвечал Гензель. «Дурень! – сказала ему мачеха. – Это вовсе не голубок твой, это труба белеет на солнце». Но Гензель всё же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха ещё дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали. Опять был разведён большой костёр, и мачеха сказала им: «Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поесть немного; мы пойдём в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдём за вами и возьмём вас с собою».

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге. Потом они уснули, и уж за вечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками. Проснулись они уже тогда, когда наступила тёмная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил: «Погоди, Гретель, вот взойдёт месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, – по ним и отыщем дорогу домой». Но вот и месяц взошёл, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре: «Авось как-нибудь найдём дорогу», – но дороги не нашли. Так шли они всю ночь и ещё один день с утра до вечера и всё же не могли выйти из леса, и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от голода уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало и третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но, сколько ни шли, всё только глубже и глубже уходили в чащу его, и, если бы не подоспела им помощь, пришлось бы им погибнуть. В самый полдень увидели они перед собою прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так сладко, что они приостановились и стали к её пению прислушиваться. Пропевши свою песенку, она расправила крылышки и полетела, и они пошли за нею следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась. Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да и окошки-то у неё были из чистого сахара. «Вот мы за неё и примемся, – сказал Гензель, – и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить – оно, небось, сладкое». Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отведать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы. Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

Стуки-бряки под окном —
Кто ко мне стучится в дом?

А детки на это отвечали:

Ветер, ветер, ветерок,
Неба ясного сынок! —

и продолжали по-прежнему кушать, не отставая от еды. Гензель, которому крыша пришлась очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от неё, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомялась. И вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из неё, опираясь на костыль. Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привёл? Войдите-ка ко мне и оставайтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет». Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улелись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмой, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою только для того и построила, чтобы их приманивать. Когда какой-нибудь ребёнок попадался в её лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для неё праздником. Глаза у ведьм красные и недальнозоркие, но чутьё у них такое же тонкое, как у зверей, и они издали чувствуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только ещё подходили к её избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались – небось, не ускользнут от меня». Рано утром, прежде чем дети проснулись, она уже поднялась, и, когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щёчках, она пробормотала про себя: «Лакомый это будет кусочек!» Тогда взяла она Гензеля в свои жёсткие руки, и снесла его в маленькое стойло, и припёрла в нём решётчатой дверкой; он мог там кричать сколько душе угодно – никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке его, растолкала её и крикнула: «Ну, поднимайся, лентяйка, натаскай воды и свари своему брату чего-нибудь повкуснее: я его посадила в особое стойло и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его и съем». Гретель стала было горько плакать, но только слёзы даром тратила – пришлось ей всё то исполнять, чего от неё злая ведьма требовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.